

РАЗМЫШЛЕНИЕ У ТЕЛЕЭКРАНА

«Дней минувших анекдоты»

Такой знакомый всем, кто любит театр, звук раздвигающегося занавеса. На маленькую сцену выходит актер **Георгий Бурков**. Присаживается на скамейку. Некоторое время молчит: не то прислушивается к музыке, не то вспоминает. Затем произносит: — Ну вот, я и дома. Могу принимать гостей, вести задушевные беседы о театре.

ПРИМЕРНО так начинается передача «Потомству верное преданье» Главной редакции научно-популярных и учебных программ ЦТ (автор сценария и исполнитель почти всех ролей **Георгий Бурков**, режиссер **Леонид Буслаев**).

Умение Буркова говорить о вещах весьма серьезных с едва ощущаемой иронией, легкой улыбкой как-то сразу вызывает доверие, желание смотреть и слушать. Тем более что явно ощущается импровизационность произносимого монолога.

Вы постепенно понимаете, что передача будет о русском провинциальном театре. Вы предвкушаете радость общения с интересным актером, радость открытия для себя нового. О русской театральной провинции не так уж много написано и снято.

Замысел новой программы — посмотреть на русский провинциальный театр как бы сквозь призму театральных баек. Хотя, по-моему, точнее говорить «анекдотов». Г. Бурков уже много лет собирает анекдоты, предания, восстанавливает их по воспоминаниям. И вот написал интересный сценарий. Да, «дней минувших анекдоты» (выражение А. С. Пушкина) много могут рассказать о времени.

К тому же форма, если хотите, телевизионна по своей природе. В основе ее — рассказ, дающий возможность импровизации.

Бурков сполна проявил это качество в сцене, где в гримуборной трагик в костюме и гриме короля **Лира** и комик в костюме и гриме шута ждут выхода на сцену и «травят» театральные анекдоты.

Здесь главное не диалоги, не общение, а монологи актера, играющего обе роли. Это как бы вывели на первый план сам рассказ, обогащенный мимикой, жестами, паузами.

Каждая передача, как человек, проходит все этапы роста, становления, всегда важно, особенно при рождении передачи (цикла), искать то, что должно стать обликом, принципами, условиями игры, жизнью на экране. Я не акцентирую внимание на том, что новой программе не хватает точности отбора баек-анекдотов, их организованности; не хватает того, чтобы они не просто звучали друг за другом, а как бы выстраивали в нашем зрительском сознании сложный, смешной, драматичный, даже трагичный, и в то же время всегда романтический мир театра, русского провинциального театра. А говорю лишь о возможностях, заложенных в замысле. Говорю потому, что, начавшись как искренний монолог актера о театре, о профессии и судьбе, передача постепенно превратилась в нечто подобное сюжетному видеофильму-концерту.

В какой-то момент вы ощущаете, что «импровизационный» монолог актера как бы комкается, превращается в элементарный текстовый переход. Например, к сцене из пьесы А. Островского «Лес». В сцене нет живого общения живых людей, а есть некое общение, созданное с помощью электроники; есть усилия режиссера создать иллюзию раздвоения Буркова. Иллюзия в какие-то моменты, конечно же, ощущалась; но более явно ощущалось то, что телевидение с его неограни-

ченными возможностями монтажа, специальных съемок и эффектов убило в этой сцене и театр, и себя самое. А заодно и способность актера создать одну и другую роли.

Конечно, можно и так. Но я знаю: авторы стремились к другому. Претендовали на большее. А для этого нужно было найти телевизионное решение драматических сцен, принципы соединения их открытой театральности с импровизационной стихией монологов, принципы перехода от одного к другому не за счет формальных реплик, а по более сложным законам, восходящим к драматургии.

ЕСТЬ на Шаболовке маленький зал, где называют новые передачи, где происходят встречи журналистов с их создателями. Так было и на сей раз. И начавшееся после того, как погас телеэкран, осталось для меня как раз самым интересным — как передача после передачи.

Все это сложилось в единый монолог Буркова, в котором были зерна будущих передач о великом русском трагике **Мочалове**, который так крикнул реплику из-за кулис, что ток прошел по залу; об **Андрее Бурлаке** — единственном актере, которому позволено было импровизировать в пьесах **Островского**; о «домашнем театре», из которого вышел **МХАТ**, «о котором можно делать десять серий»; о **Борисе Ливанове**, за которым тянется целый шлейф легенд; о **Шукшине** как актере трагическом. И тут я позволю себе процитировать Буркова, чтобы вы хоть на мгновение почувствовали, что может быть в этих передачах.

— **Шукшин** — чистой воды трагической актер, — рассказывал Бурков. — Здоровье театра всегда проверяется наличием трагических актеров, способных к потрескелу. Жалко, что он не снял и не сыграл **Степана Разина**. Не то слово «жалко» — это трагедия наша. Я ощущал силу, которая должна была воплотиться на экране.

...Жили мы на пароходе. Как-то часов в шесть утра стоим на палубе, курим. Лодки тарактают под флагом рыбнадзора, и — через весь **Дон** сеть. «Чего это они?» — я повернулся. Он — весь белый, ногтями вцепился в перила: «Начальство приехало, ушица будет... Ненавижу!» Поверите, мне плохо сделалось. Мог быть такой **Степан Разин**! Он же смертник был, его жизнь — саможжение. Это русский трагик.

В этих монологах актера не было той выстроенности, которой так легко добиться с помощью электронного монтажа. Но зато были моменты откровения, искренности, которые так ценны на экране.

Очень хорошо, что многие актеры и режиссеры, писатели и музыканты в последние годы осуществляли на телевидении свои замыслы и мечты. Но почему лишь единицы из них оставались после своего дебюта? Конечно, есть и организационные, и технические, и финансовые причины. Но есть, наверное, еще одна весьма серьезная: телевидение, в природе которого и возможность, и необходимость раскрытия личности, когда дело доходит до конкретной работы, вешает на эту личность вериги всяких регламентаций и ограничений.

Конечно, от создателей передач требуется определенное мужество выслушать личность, пришедшую на телевидение; мужество изменить планы, нормы, сценарии так, чтобы у этой личности была возможность высказаться, выявить себя на экране. Но ведь это единственный способ, чтобы личность пришла к зрителю, была услышана ими.

В. СПИВАК,
кинодраматург.